

НАШ ВЫХОДНОЙ

Я ВОШЕЛ в открытую дверь. В небольшой светлой комнате, кроме пианино, журнального столика, двух мягких кресел, стояли Юрий Тимошенко и Ефим Березин. До того я их видел только по телевизору, но узнать можно. Они громко разговаривали и как всегда на разных языках.

— Сейчас все стараются худеть, — высказал знакомую мысль Березин.

Тимошенко не стал спорить.

— Так теперь, кто худеет — той радие, — согласился он.

— Придумали разные диеты. Одни, например, не едят соли, — не унимался Березин.

рый испытанный прием сработал, вскоре я и сам поверил в то, что знаю Тимошенко и Березина с детства.

— Як же не пам'ятати, — оживился Тимошенко. — В 1941-му на наш концерт завітали Гнат Юра, Амвросій Бучма, Наталія Ужвій. Ото була радість!

— Нас выдвинули на второй всесоюзный конкурс артистов эстрады, который должен был состояться в том же году в Москве, и мы уже предвкушали поездку в столицу. Нам было известно, что лауреатами первого конкурса стали Клавдия Шульженко, Аркадий Райкин, Мария Миронова, и очень

— Почему?

— Через неё вже третій рік міст не добудують.

Після нашого виступу ми одержали багато листів. Міст швидко добудували.

Березин показывает конверты. Каких только нет на них адресов! Москва, Большой театр, Тарапуньке. Телевидение, Тарапуньке и Штепселью. Киев, Тарапуньке. Письма доходят, и, если на них нельзя сразу ответить, артисты пересылают их в соответствующие инстанции для принятия мер. Сатира делает свое дело.

— На ваших выступлениях зрители много смеются и это признание актерского мастерства.

— Не тільки акторського. Адже тексти разом з нами пишуть здібні автори.

Юрій Тимошенко називає імена А. Безыменского, С. Михалкова, П. Григорьева, В. Бахнова и Я. Костюковського, П. Глазового, Р. Виккерса и А. Каневского.

— Но был у нас случай, когда автор появился с самой неожиданной стороны, — вспоминает Березин. — Случилось это в Горловке. В ту пору был в нашей программе такой, примерно, номер. Я захожу на сцену и объявляю, что концертмейстер исполнит рапсодию Листа. Вот она подходит к роялю, но крышка упорно не открывается. На помощь выбегает Тарапунька с топором в руке. Все напрасно — топор разлетается в куски, а крышка словно припечатана. Тогда на сцену выносятся ящик с надписью «Динамит». Его подкладывают под рояль и на минуту опускают занавес. Раздается взрыв, поднимается занавес и на сцене вместо рояля лежат обломки ножек, разбросаны в беспорядке клавиши и струны...

Этот номер мы показывали десятки раз. Но вот в Горловке фокус не удался. Я как всегда объявил рапсодию Листа, концертмейстер Р. Могилевская, как всегда, не «могла» поднять крышку рояля. И в этот решающий момент на сцену выбежал из-за кулис молодой человек и со словами «Она у нас туго открывается» ловко приподнял крышку. Воцарилась тишина, все мы были в шоке. Наш концертмейстер была хорошей пианисткой, но она никогда не играла рапсодии Листа...

— Довелось Штепселью вкручиваться. Це ж він вів програму, а моя справа — динаміт і сокира.

— Да, у тебя была топорная работа, — отшучивается Березин. И продолжает: — На Черкащине, помню, после концерта к нам стали подходить люди с просьбой дать автограф. На книжках и программах, на фотографиях. Вот открытку протянул здоровенный парень в заливхватских сапогах. Мы, как и всем, надписали: «Здоровенькі були!» и расписались. Он стал рыться в кармане и протянул пятерку. Вы что, запросто взяли мои «Берите, ребята, на пиво», — настаивал парень и долго не уходил.

— На пиво завжди заробити можна.

Я увлекся беседой и даже не замечаю, что оба все еще стоят. Стало неловко, но хозьева меня успокаивают:

— Зрителю полагается сидеть. Даже если он один.

— Ну, такого не скажешь, — говорю. — На ваших концертах свободных мест не бывает.

Задаю давно притасанный вопрос.

— А почему вы, дорогой Тарапунька, — говорите по-украински, а Штепсель — по-русски?

— Представляете, выступаем в Курске. Тарапунька произнес свою реплику. Но она может быть не всем понятна. И тут я, словно невзначай, повторяю вопрос по-русски. Он отвечает и опять я прихожу зрителю на помощь. Живой диалог, смысл не нарушен, острота сохраняется и всем все понятно. Я встречал людей, которые после наших выступлений говорили, что украинского языка совсем не знают, а вот слушаешь — и все понятно. Но нам приходилось говорить и на других языках. В Англии — по-английски. В Польше — по-польски, в Габрово — по-болгарски.

— Не Штепсель, а чистий поліглот.

Перехожу к вопросу о сложности профессии актера. И тут выясняется, что мы забыли о такой области искусства, как кино. Вспоминаем фильмы «Тарапунька и Штепсель под облаками», «Штепсель женит Тарапуньку», «Ехали мы, ехали», «Смеханические приключения Тарапуньки и Штепселя» и многие другие ленты с участием народных артистов УССР Ю. Тимошенко и Е. Березина.

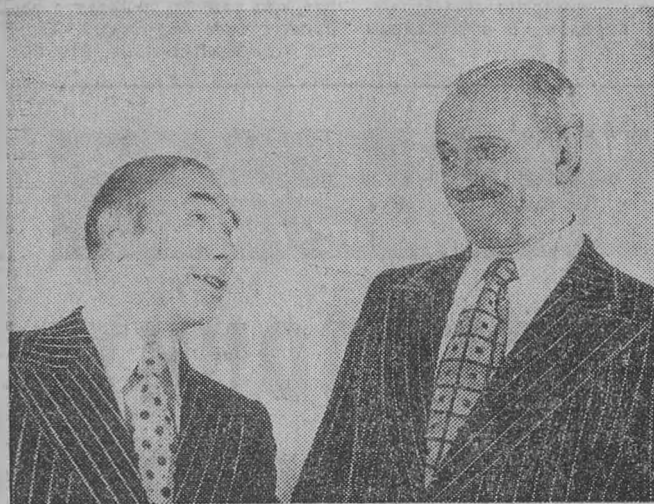
Но, к сожалению, в соседней комнате звонит телефон. Домашние напоминают Ю. Тимошенко, что он у Березина в гостях, и пора вспомнить свой адрес.

— Домострой, — смеется он, но все-таки протасывается.

Я ухожу вторым, хотя во всей этой истории был третьим.

М. РЕТНИВ.

Знакомства и встречи

Тарапунька:

—САТИРА ЖАРТІВ НЕ ЛЮБИТЬ

Штепсель:

—ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ,
ЧТО С САТИРОЙ ШУТКИ ПЛОХИ?

— Солоисти, — коротко резюмировал собеседник.

— Другие сидят на одном хлебе.

— Нахлібники, — определил Тимошенко.

— Есть еще сыроеды, — продолжал Березин.

— Тільки сир їдять?

— Нет — ничего вареного.

Все в сыром виде, — пояснил Березин.

— А не я знаю, — заулыбался Тимошенко. — Мого кума жінка посадила на таку дієту. На сніданок — травка, на обід — травка, на вечерю — травка. Травка, травка, травка...

— Ну и как он?

— Літо витримав, а восени втік.

— Почему? — поинтересовался Березин.

— Побоявся, що вона його взимку на сіно-солому посадить...

Воспользовавшись паузой, я решил перехватить инициативу.

— Здоровенькі були! Здравствуйте! — произнес я спорога. Тимошенко посмотрел на меня сверху вниз, я ответил тем же Березину.

В следующую минуту я перешел в наступление.

— Не узнаете?

Обычный человек может наморщить лоб, попытаться вспомнить встречу с вами, наконец, признаться, что он вас не знает и вообще впервые видит. Артисту это не подходит: его все знают, каждый встречный — потенциальный зритель, а в Укрконцерте, говорят, тоже есть книга жалоб...

— Шо ви, шо ви, — широким жестом приглашает Тимошенко.

— Милости просим, — вторит ему Березин.

Вспомнив, что смелость города берет, усаживаюсь в кресло.

— Ну, как жите-быть? — спрашиваю слегка небрежно.

— Да вот готовимся к годоводнему выступлению, — оправдывается Березин.

А я-то думал, что это у них разговор такой. Ну да мне следовало знать, что артисты, а тем более сатирики, просто так не разговаривают.

А мне слов не жалко, говорю всегда бесплатно и поэтому начинаю им рассказывать то, что они за давностью лет могли и позабыть.

— А помните, как вы, молодые еще ребята, приехали в Киев учиться? Один из Полтавы, другой — из Одессы. А помните, как в театральном институте вы устраивали капустники и смешили своих товарищей так, что кое-кто призадумался: а стоило ли вас принимать в институт?

Все это я где-то вычитал, уж не помню когда, и теперь щеголял воспоминаниями так, словно был рядом с ними. Ста-

хотелось добиться успеха. Но началась война, — грустно заключил Березин.

— Отак дуєтом і пішли на війну. В армійському ансамблі Березин перетворився на кухаря Галкіна, а я в баншика Мочалкіна. Хто палив по рогах з гармат, а ми їх добивали словом. На фронті нас знали всі. Разом з наступаючими частинами прийшли в Берлін, брали участь у концерті 3 травня 1945 року.

— Да, время было нелегкое, но оно нас закалило и еще больше сдружило. Говорят, космонавтов к совместному полету готовят по специальной программе, а мы вот уже более сорока лет вместе и еще друг другу не надоели.

— Неужели так ни разу и не поспорили? Ведь муж и жена — и те не выдерживают...

— Сварились на сцені, і не раз. А поза сценою — у кожного своє, отже, частину запалу залишали «для дома, для семьи».

— Кончилась война, не стало повара Галкина, ушел в отставку баншик Мочалкин. Что дальше? — пытаюсь я продолжить прерванный рассказ.

— А дальше было раньше, — отвечает Березин. — В 46-м поехали в Москву на конкурс артистов эстрады, который прервала война, и вернулись домой лауреатами.

— Вас теперь все знают как Тарапуньку и Штепселя. Когда произошло это превращение?

— Саме тоді, після московського конкурсу. Тарапунька це річка на Полтавщині, мені назва сподобалась, і вона стала псевдонімом. А Штепсель став Штепселем тому, що на сцені грав монтера.

— Главное, что нигде в мире нет больше ни Тарапуньки, ни Штепселя. Вас ни с кем не перепутаешь...

— Путали.

Березин вспоминает, что некоторые артисты, особенно любители, пытались им подражать и даже выступали как Тарапунька и Штепсель. Но их надолго не хватило.

— Згоріли, — шутит Тимошенко. — Не той Штепсель.

Киевский эстрадный дуэт известен всему миру. Тимошенко и Березин выступали во многих зарубежных странах, были гостями столицы юмора — Габрово.

— Главное — найти тему, — уточняет Березин. — Важно не плестись в хвосте социальных явлений, а быть на шаг-два вперед событий.

— Колісь в одній з наших програм, — рассказывает Тимошенко, — був такий текст:

— Штепсель, скажи, яка річка найширша у світі?

— Амазонка? Миссисипі? Волга? Ніл?

— Ні, Захлюпанка!